

© Т. А. Трипольская, Е. Ю. Булыгина

DOI: [10.15293/2226-3365.1502.02](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1502.02)

УДК 811.161.1.37 + 81.374

ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ СЕМАНТИКА КАК ОБЪЕКТ ЛЕКСИКОГРАФИРОВАНИЯ РАЗНОВРЕМЕННЫМИ СЛОВАРЯМИ

Т. А. Трипольская, Е. Ю. Булыгина (Новосибирск, Россия)

Словарь не только отражает своё время, но и формирует, иногда жёстко навязывая, систему «идеологических фантомов». Деидеологизация словарей оказалась сложным и противоречивым процессом, который начался в конце 1980-х гг. В статье исследуются вопросы лексикографической интерпретации идеологического микрокомпонента, входящего в прагматическую зону семантики слова. В аксиологическом поле социума есть «вечные» понятия, которые отражаются в лексиконе носителей языка как идеологемы (по данным ассоциативных и дискурсивных исследований). Подобное содержание обычно эксплицировано в словарной статье, оно призвано отражать и формировать идеологическую картину мира социума, т. е. оказывать идеологическое давление на адресата словаря. Однако есть случаи, когда прагматическое содержание слова намеренно скрыто: к таким лексикографическим феноменам относится лексема цензура, обозначающая то, «чего у нас в обозримом прошлом не было и нет». Разные типы прагматического содержания требуют и разной лексикографической «упаковки»: что-то должно быть прописано, что-то скрыто. В результате проведенного дефиниционного и дискурсивного анализа выявлены способы вуалирования очевидного идеологического содержания, связанного с «осуществлением надзора за инакомыслием»: это система комментирующих помет (устарелое, заграничное, историческое, политическое) и специально подобранный хронологически маркированный иллюстративный материал.

Ключевые слова: лексикография, семантика, прагматическое значение, словарь.

Настоящее исследование ориентировано на изучение идеологических фрагментов русской картины мира, зафиксированных в разновременных лексикографических источниках. Словарь не только отражает своё время, но и

формирует, порой, жёстко навязывая, систему «идеологических фантомов». Деидеологизация словарей оказалась сложным, многоступенчатым и порой противоречивым процессом, который начался в 1980-е гг.

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ, проект 15-04-00122а «Прагматический потенциал языкового знака: семасиологический и лексикографический аспекты».

Булыгина Елена Юрьевна – кандидат филологических наук, профессор кафедры современного русского языка, Новосибирский государственный педагогический университет.

E-mail: bulyginalena2010@mail.ru

Трипольская Татьяна Александровна – доктор филологических наук, профессор кафедры современного русского языка, Новосибирский государственный педагогический университет.

E-mail: tr_tatiana@mail.ru

Современная семасиология и лексикография сосредоточены на явлениях, скрытых в глубинах семантики, подвижных и трудноразличимых. В последнее время все больший интерес исследователей привлекает прагматический компонент значения – наиболее тонкая материя слова – как возможный объект семасиологического и лексикографического описания.

Под прагматическим компонентом, вслед за Ю. Д. Апресяном, Г. Н. Склярёвской и В. Н. Телией, мы понимаем сумму коннотаций (социальных, культурных, этических, исторических, эмотивных, экспрессивных), которые в речевом акте несут информацию о намерениях говорящего, речевой ситуации, статусах собеседников, оценке предмета речи и т. д. [1–3]. Нередко именно этот компонент и определяет индивидуальность слова в ряду других.

Как всякая новая и стремительно развивающаяся область знания, интересующая нас сфера лингвистики не имеет пока сложившейся терминологической системы и даже четко очерченного объекта изучения. «Разнобой в терминологии и во взгляде на проблему прагматического значения связаны с тем, что данный аспект значения слова стал объектом пристального внимания исследователей недавно» [4, с. 88]. В полной мере это относится к понятиям «прагматическое значение» и «коннотация».

В современной лингвистике существуют широкий и узкий подходы к пониманию коннотации (Ю. Д. Апресян, Н. А. Лукьянова, В. Н. Телия и др.), однако мы придерживаемся широкого подхода, который представлен в работах В. Н. Телии: коннотация – это «любой компонент, который дополняет предметно-понятийное <...> содержание языковой единицы и придает ей экспрессивную функцию на основе сведений, соотносимых с эмпирическим,

культурно-историческим, мировоззренческим знанием говорящих на данном языке, с эмоциональным или ценностным отношением говорящего к обозначаемому, <...> с социальными отношениями участников речи и т. п.» [5, с. 236]. В таком понимании коннотация вполне соотносима с пониманием прагматического макрокомпонента значения.

Прагматические семы представляют собой разнородный массив: идеологический, национально-культурный, гендерный, возрастной, статусный и др. микрокомпоненты; однако содержащаяся в них информация об определенных параметрах речевой ситуации (пол, возраст, социальный статус участников коммуникации и др. и о национально-культурных стереотипах) позволяет объединять подобные семы в прагматический макрокомпонент.

В структуру прагматического макрокомпонента могут входить следующие составляющие: идеологическая и оценочная (*диссидент*, *космополит*, *эмигрант* и др.); гендерная и национально-культурная (*тряпка* – «о безвольном, слабохарактерном мужчине»); возрастная, гендерная и оценочная (*сопляк* – «простореч. 2. Малыш, молокосос (*пренебр.*)»; 3. Ничтожество, бессильный, бесхарактерный, никуда не годный человек (*презр.*)»); *карга* – «злая старуха, ведьма») [6]. Они-то в конечном итоге и образуют прагматическое содержание, прагматический слой лексемы.

Как отмечает Э. С. Азнаурова, «<...> в сознании языкового коллектива такие слова связываются с определенными, узуально закрепленными стереотипами, а саму эту лексику можно квалифицировать как прагматически маркированную» [7, с. 43].

Проблему отражения прагматических компонентов значения в толковом словаре поставила Г. Н. Склярёвская, выявив разные спо-

собы семантизации многопланового прагматического содержания (в противовес позиции о том, что эти нюансы семантики не могут быть лексикографически релевантными и представленными в словаре) [2]. Ср. со словами Р. Лангаккера: «Мне кажется, что словари в какой-то мере вводят в заблуждение, пытаясь в пару строк уложить словесное определение, предположительно выражающее значение лексической единицы. Однако никто и никогда не выражается такого рода определениями. Словарные дефиниции составляются в известном стиле и не указывают с какой-либо ясностью, что мы всякий раз специфическим образом апеллируем к некоторому корпусу знания... Существует потребность в когнитивной лексикографии, основывающейся на категориях когнитивной грамматики» [8, с. 343]. Таким образом, существует три вопроса в практической и теоретической лексикографии: что именно отражать, каким способом и в какой части словарной статьи.

Известна идея Ю. Д. Апресяна о зонном устройстве словарной статьи, предполагающая интерпретацию разнородного содержания слова в разных «частях» словарной статьи. Напомним, что подобное предложение осуществлено не только в словаре синонимов Ю. Д. Апресяна, но и гораздо раньше стихийное деление словарной статьи на зоны представлено в толковом словаре Д. Н. Ушакова (далее – ТСУ). В этом словаре прагматическая информация представлена неравномерно в разных зонах словарной статьи, и (можно выделить ряд комбинаций распределения, например, идеологического компонента по её разным структурным элементам: 1) нейтральное толкование + нейтральные пометы; 2) нейтральное толкование + идеологически маркированный контекст; 3) прагматический компонент в толковании + идеологически маркированный кон-

текст; 4) прагматический компонент в толковании + специальные пометы + идеологически маркированный контекст. Ср.: *молитва* – 1. Действие по глаг. *молиться*. 2. Канонический словесный текст, произносимый верующими при обращении **к их богу**; *монастырь* – земельно-церковная организация, представляющая собой общину монахов или монахинь. ***Монастыри являются орудием политического гнета и эксплуатации масс*** [6].

Авторы всех классических словарей, не ставя специальной лексикографической задачи (не разрабатывая способов семантизации прагматического содержания), так или иначе, порой непоследовательно, фиксировали эту информацию с помощью помет, словарного комментария и иллюстративного материала.

Если говорить о возможной семантизации идеологического содержания, то оно может быть либо эксплицитно, легко прочитываемо, либо имплицитно, то есть недосказано лексикографом в силу разных причин: 1) незнания структуры и содержания прагматического компонента в значении слова, 2) намеренного сокрытия/искажения в соответствии с идеологическими установками власти.

В идеологическом поле социума есть «вечные» понятия, которые отражаются в лексиконе носителей языка как идеологемы (по данным ассоциативных и дискурсивных исследований). Подобное содержание обычно эксплицитно представлено в словарной статье. Оно призвано отражать и формировать идеологическую картину мира социума, то есть оказывать идеологическое давление на адресата словаря. Однако в ряде случаев прагматическое содержание слова не просто «недотолковано», а намеренно скрыто. К таким лексикографическим феноменам относится лексема *цензура*, обозначающая то, «чего у нас в обозримом

прошлом не было и нет». Разные типы прагматического содержания требуют и разной лексикографической «упаковки»: что-то должно быть прописано, что-то скрыто. Поэтому нас в первую очередь интересуют способы игнорирования и вуалирования очевидного идеологического содержания, связанного с «осуществлением надзора за инакомыслием». Читатель словаря не может не обращать внимание на отсутствие информации об идеологическом содержании лексемы («бытие не дается нам просто так, учит М. Хайдеггер, его можно обнаружить только в разрывах и умолчаниях. С объективной информацией то же самое: она не в том, о чём СМИ говорят, а в том, о чём они умалчивают или недоговаривают» [9]).

Напомним, что в древнем Риме слово *цензура* обозначала «должность цензора и исполнение обязанностей цензора; в компетенцию цензора входило производство ценза и распределение граждан по трибам и центуриям (Машкин, Ист. древн. Рима, 9)» [10].

Это слово в русском языке, как и в других европейских языках, претерпело значительные семантико-прагматические изменения.

Лексикографическая традиция, начиная с ТСУ, интерпретирует лексему как обозначающую явление, строго ограниченное временными рамками и зависящее от государственного устройства. Ср.: *цензура* – «(латин. *censura*). 1. В древнем Риме – должность цензора (**истор.**). 2. Просмотр произведений (предназначенных к печати, к постановке в театре и т. д.), осуществляемый специальным государственным органом (**устар., загр.**). *Подвергнуть цензуре. Предварительная цензура. Военная цензура.* 3. Государственный орган, ведущий надзор за печатью (**устар., загр.**). *Дозволено цензурой. Разрешено цензурой.* 4.

Взыскание, налагаемое на депутатов в парламентах за нарушение внутреннего распорядка (**загр. полит.**) [6].

Денотативная семантика представлена в толковании, приближенном к энциклопедическому; идеологическая же составляющая в первом советском словаре интерпретируется с помощью специальных помет: **заграничное, устарелое**. Это и есть проявление стихийной зоновости в семантизации слова. Цель создателей словаря – показать, что обозначаемое явление распространено в дореволюционной России и в других (капиталистических) странах, а в советской свободной стране оно отсутствует.

Авторы ТСУ во вступительной статье отмечают, что «помета *устарелое* означает: вышедшее или выходящее из употребления, но ещё широко известное, между прочим, по классическим литературным произведениям 19 века» [6, Т. 1]. Названная помета в ТСУ расширяет свои функциональные возможности применительно к идеологической лексике, становясь маркёром идеологического содержания: «чуждый политическому строю», «уходящий и противостоящий новому миру».

Как и в других случаях, авторы словаря эксплицитно представляют идеологические составляющие лексического значения. (Ср. также со словами: *либерализм, национализм* и др.). Таким образом, с помощью помет передается информация о том, что подобное негативное явление свойственно другим странам, другим политическим режимам, а в советской стране этого нет.

По «Словарю современного русского литературного языка» (далее – БАС), слово *цензура* тоже обозначает понятие, не входящее в политический контекст советской эпохи: «2. В дореволюционной России и других странах – осуществляемый органами власти контроль политической благонадежности выходящих в

свет произведений (а также личной переписки заключенных, корреспонденции, идущей с фронта, и т. п.). *Недавно, тяжкою цензурой притеснен, Последних жалких прав без милости лишен. Со всею братией гонимый совокупно, Я, вспыхнув, говорил тебе немного крупно.* Пушкин. Втор. посл. цензору; *Реакция обезличивала театр цензурами всех форм и видов, мещанство принижало его пошлостью своих вкусов.* Южин-Сумбат. М. Н. Ермолова; <...> Проходить, пропускать и т. п. через (какую-нибудь или чью-нибудь) цензуру. *Через некоторое время мне разрешили переписку с женой. Но письма проходили через двойную цензуру – жандармов и тюремной администрации.* П. Карав. В докт. годы, 3. || Разг. О проверке, контроле (чьих-нибудь сочинений, чтения и т. п.), о строгом надзоре за чем-нибудь. *Материнской цензурой княгини целиком не допускался ни один автор, ни даже Державин и Жуковский.* Леск. Дух госп. Жанлис, 6. *Прежде чем печатать [повесть], хотел бы прислать вам ее для цензуры, ибо ваше мнение для меня золото.* Чех. Письмо А. С. Суворину, 31 марта 1892 г. [10].

Кроме специального комментария «**В дореволюционной России и других странах**», отнесенность к ушедшей политической эпохе поддерживается в семантике слова **цензура** иллюстративным материалом. Словарь придерживается правила цитатной триады, включая разновременные контексты от «эпохи Пушкина до наших дней» (словарь создавался с 1950 г. по 1965 г.). Однако в словарной статье анализируемого слова содержатся только контексты из произведений XIX в. В целом же информация об идеологической семантике «в советском обществе цензуры нет» представлена эксплицитно (см. комментарий: СССР не относится к «**другим**» странам) и имплицитно (датировка иллюстративного материала).

Найденный и опробованный способ представления идеологемы используется и авторами «Словаря русского языка» (далее – МАС): **цензура** – «1. В древнем Риме: должность цензора (в 1 знач.); 2. Система государственного надзора за печатью и средствами массовой информации, а также учреждение, осуществляющее такой надзор. *Наконец водевилей был готов, переписан и отдан в цензуру.* Н. Некрасов, Почтеннейший. *Меня особенно смешило тогда, что на внутренней стороне обложек у всех светских революционных изданий было напечатано: «Одобрено цензурой».* Морозов, Повести моей жизни; 3. Просмотр произведений, предназначенных к печати, к постановке в театре и т. п. или просмотр какой-л. корреспонденции, осуществляемый этим учреждением. [*Снегирь*], *научившись ставить знаки препинания, начал издавать, без предварительной цензуры, газету "Вестник лесов".* Салтыков-Щедрин, Орел-меценат. *Через некоторое время мне разрешили переписку с женой. Но письма проходили через двойную цензуру — жандармов и тюремной администрации.* Караваев, В дооктябрьские годы. [Лат. *censura*]» [11].

Как видим, хотя иллюстративный материал здесь иной, чем в БАС, но принцип подбора остаётся прежним: контексты из литературы XIX в. описывают цензуру дореволюционной России («надзор за печатью и средствами массовой информации», как явствует из толкования, осуществлялся в XIX в., цензура дает разрешение на постановку водевиля Н. Некрасова, а письма автора «Дореволюционных дней» проходят через двойную цензуру жандармов и тюремной администрации, и события «Повести моей жизни» относятся к 1902–1912 гг.).

Отнесенность явления цензуры всеми советскими словарями к дореволюционной

России (т. е. толкование слова как устаревшего) вполне справедливо: конечно, и цензура была, и В. И. Даль толкует слово как абсолютно нейтральное (ср.: *Цензорство*, или цензорская должность. *Ценз(с)орь* [м., лат. *sensor*], кому доверено от правительства цензуровать [нем. *zensieren*] сочиненья, одобрять или запрещать печатанье и продажу ихъ. *Цензу'ра, ценсу'ра* ж., лат. [*censura*], учрежденье, для просмотра, одобренья и запрещенья къ печати рукописей [книгъ и газетъ] [12]), но отношение общества к явлению цензуры в XIX в. едва ли было нейтральным. Ср., например, толкование слова *цензура* в «Словаре иностранных слов, вошедших в состав русского языка» Ф. Павленкова (1907): «1) Надзор за печатью. *Наиболее тяжелое условие для печати* есть предварительная ц.; сверх того, ц. может еще разделяться на духовную и светскую. По закону 1865 г. от предварительной цензуры освобождаются в обеих столицах все оригинальные сочинения объемом не менее 10 печатных листов и все переводы объемом не менее 20 печ. листов. “Бесцензурные” издания представляются в цензурный комитет за неделю до выхода их в свет. Ответственность определяется началом *карательной ц-ы*, т. е. *конфискацией книги в случае усмотренного в ней злоупотребления* и представлением ее на рассмотрение комитета министров. Независимо от этого может быть возбуждено *судебн. преследование* <...>» [13].

С этим словарным описанием вполне согласуется мысль В. Набокова о том, что «живописцы, писатели и композиторы прошлого века были совершенно уверены, что живут в стране, где господствует деспотизм и рабство, но они обладали огромным преимуществом, которое можно до конца оценить лишь сегодня, преимуществом перед своими внуками, живущими в современной России: их не заставляли говорить, что деспотизма и рабства

нет <...> Учрежденная им [Николаем I] цензура оставалась в силе до 60-х годов, ослабла после великих реформ, вновь ужесточилась в конце прошлого века, ненадолго была упразднена в начале нынешнего и затем удивительным и ужаснейшим образом воскресла при Советах» [14, с. 28–29].

Вернемся к классическим словарям. Сегодня мы читаем текст словаря следующим образом: переключение внимания адресата на тексты XIX в. преследует цель сообщить об отсутствии цензуры в «свободной советской стране». Однако стоит подумать и вот о каком прочтении приведенных словарных статей: авторы БАС (а также и МАС) располагали карточками текстов, в которых едва ли можно было найти (даже если бы лексикографы решились рискнуть!) подходящий цитатный материал – в СССР, по Конституции, цензуры не было. Поэтому в советском официальном (да и художественном!) дискурсе можно было найти лишь примеры, в которых обсуждался гнет «не нашей» цензуры. Несомненно, писать о жесточайшей советской цензуре не позволяла эта самая цензура.

Филологические словари в полной мере соответствуют идеологическим представлениям, отраженным в энциклопедических словарях. В последних – дано обоснование существования цензуры во все времена и ее отсутствия в СССР. Иными словами, информация, завуалированная в толковых словарях, эксплицирована в энциклопедических. См.: *Цензура* «(лат. *censura*) – в **классово-антагонистич.** обществе система гос. контроля над содержанием печатных произведений, кинофильмов, радио- и телепередач, сценических выступлений с целью недопущения распространения учений, мыслей, сведений, противоречащих интересам **эксплуататорских классов.** <...>. Репрессивные меры против не-

угодных эксплуататорской верхушке или одной из ее фракций произведений, устных выступлений и их авторов использовались гос. властью еще в древности. <...>. С наступлением эпохи феодализма выполнение функций Ц. сосредоточивается в руках церкви – идеологич. опоры феод. строя. <...>. Наряду с духовной Ц. с 16 в. в ряде стран распространяется Ц. государственная, действовавшая нередко в полном контакте с церковниками и расправлявшаяся с авторами “опасных” произведений с не меньшей жестокостью (сожжение на костре “крамольных” книг и их авторов и пр.). <...>. В условиях гос.-монополистич. капитализма, когда средства издания и распространения произведений печати сосредоточиваются в руках нескольких монополистич. групп, гос-во часто передает свои функции монополистич. объединениям, осуществляющим “самоцензуру” в рамках формально провозглашенной “свободы печати”. Поэтому борьба за подлинную свободу печати, против засилия монополий в издательском деле, в поддержку демократич. печати остается задачей демократич. и социалистич. сил во всех бурж. гос-вах. В странах с авторитарными или фаш. режимами, где преследование неудобных этим режимам произведений принимает нередко дикие, средневековые формы, подобные тем, к-рые практиковались в фаш. Германии (напр., сожжение книг), требование установления свободы печати занимает одно из важных мест в борьбе демократич. сил против этих режимов. <...>. Социалистич. революции кладут конец бурж. Ц. **Конституции социалистич. гос-в гарантируют трудящимся свободу печати, к-рая обеспечивается предоставлением типографий, запасов бумаги и др. материальных условий в распоряжение трудящихся и их представителей.**

Охрана гос. и воен. тайны в печати осуществляется в социалистич. странах специальными органами» [15].

Осмысление жесточайшей системы советской цензуры началось в начале 1990-х гг.: появилось большое количество специальных монографий, посвященных формам, видам, методам цензурирования в СССР. Дискурс 1990–2000-х гг. демонстрирует попытки осмысления феномена цензуры, «которой не было».

В постперестроечных словарях, когда появилась возможность переосмыслить лексикографическую интерпретацию идеологической семантики, сделана успешная попытка деидеологизации семантики единиц отдельных лексических групп, например, религиозной лексики в ТСОШ [16]. Казалось, что вот-вот появятся словари, в которых будут даны вполне адекватные толкования и политической лексики.

Однако, возможно, был слишком короткий срок для осмысления и коррекции идеологически значимых понятий социумом, а далее – лексикографией, поэтому десоветизация коснулась самых очевидных проявлений идеологической канвы словарей. Наиболее простой способ деидеологизации словаря – устранение идеологических помет и отказ от одиозного цитатного материала. Ср. в ТСУ: *Религия* – «взгляды и представления, основанные на мистике, на вере в чудодейственные силы и существа. <...>. *Религия есть опиум народа, – это изречение Маркса есть краеугольный камень всего миросозерцания марксизма в вопросе религии Ленин. Религия есть один из видов духовного гнёта, лежащего везде и повсюду на народных массах, задавленных вечной работой на других, нуждою и одиночеством.* Ленин» [6]. Этот контекст как очень важный компонент в экспликации прагмати-

ческого содержания, к сожалению, современные словари не заменили, а просто отказались от иллюстративного материала, например: *Религия* – «1. Одна из форм общественного сознания – совокупность духовных представлений, основывающихся на вере в сверхъестественные силы и существа (богов, духов), которые являются предметом поклонения. 2. Одно из направлений такого общественного сознания. Мировые религии (буддизм, ислам, христианство)» [16].

Если это вполне обосновано для однотомного словаря (ТСОШ), то для многотомных – совершенно не мотивировано. Предположение о том, что точность подбора иллюстративного материала в современных словарях должна быть значительно выше (изученность прагматической семантики и возможности использования языковых корпусов), не подтвердилось исследованиями достаточно большого языкового материала.

Анализ иллюстративного материала как составляющего компонента словарной статьи прагматически маркированного слова в современных словарях свидетельствует о том, что цитата выполняет в большинстве случаев только оправдательную функцию, а функцию собственно иллюстративную – лишь частично или не выполняет вовсе. Применительно к лексикографическому описанию прагматического значения роль иллюстративного материала в словарной статье, с нашей точки зрения, становится доминирующей.

Отметим также как способы деидеологизации: А) отказ от несоответствующих помет, Б) и/или устранение особых элементов самого толкования, например:

А) *Проповедовать* – «1. Произносить проповедь (*устар.*). 2. Распространять какое-н. учение, идею, взгляды (книжн.)» [17]. Ср.: *Проповедовать* – «1. Произносить проповедь, проповеди во время богослужения. 2. *перен.*

Распространять какое-н. учение, идею, взгляды (книжн.)» [16];

Б) *Бог* – «По религиозно-мистическим представлениям: мифическое верховное существо, якобы управляющее миром или (при многобожии) одно из таких существ» [17]. Ср.: *Бог* – «1. В религии: верховное всемогущее существо, управляющее миром или (при многобожии) одно из таких существ» [16].

Между этими двумя разновременными интерпретациями отметим и так называемую промежуточную лексикографическую попытку частичной деидеологизации религиозной лексики в словаре С. И. Ожегова, изданном в 1975 г.: «*Бог*. 1. По религиозно-мистическим представлениям: верховное существо, управляющее миром или (при многобожии) одно из таких существ» [18].

Как видим, достаточно последовательно деидеологизация религиозной лексики осуществлена в ТСОШ. Однако имплицитное идеологическое содержание, например, лексемы *цензура* не переосмыслено: она по-прежнему рассматривается как устаревшая, а современный политический контекст остаётся «за кадром», например: *цензура* – «система государственного надзора за печатью и средствами массовой информации. *Военная ц.* (в годы войны также за частной перепиской). *Дозволено цензурой* (разрешено цензором к печати, к постановке; *устар.*). II прил. *цензурный*, -ая, -ое.» [18]. Ср.: *цензура -ы*, ж. Система государственного надзора за печатью и средствами массовой информации. *Военная ц.* (в годы войны также за частной перепиской). *Дозволено цензурой* (разрешено цензором к печати, к постановке; *устар.*). II прил. *цензурный*, -ая, -ое [16].

Деидеологизация словарного содержания касалась в первую очередь устранения эксплицитных элементов толкования. Меньше

повезло имплицитному идеологическому содержанию лексемы, как в случае со словом *цензура*. Выявленные в ходе дискурсного анализа смысловые особенности этого слова остались вне поля зрения лексикографов. Невостребованным оказался и материал языковых корпусов.

Рассмотрим постперестроечные словари. Так, в Популярном словаре русского языка: *цензура* – «1. В Древнем Риме: органы, ведавшие оценкой имущества граждан, следившие за поступлением налогов и за общественной нравственностью. 2. Система государственного надзора за печатью и другими средствами массовой информации. *Ввести цензуру. Когда б писать ты начал сдуру, тогда б наверно ты пролез сквозь нашу тесную цензуру...* (Пушкин). Родственные слова: *цензор, цензурный, бесцензурный, подцензурный*. Этимология: От немецкого *Zensur* ‘цензура’ (*censura* ‘взыскательная критика’, ‘строгое суждение’). В русском языке – с конца XVIII в. Энциклопедический комментарий: В Западной Европе цензура возникла в XV в., в России – в начале XVIII в. По формам контроля цензура подразделялась на предварительную и карательную. С 1804 г. цензура регулировалась цензурными уставами и временными правилами. Она делилась на общую (внутреннюю и иностранную) и ведомственную (духовную, военную, театральную) и др.» [19]. Как видим, описание явления (словарь претендует на энциклопедическую составляющую) и толкование слова никак не привязаны к реалиям XX–XXI вв.

В толковом словаре Т. Ф. Ефремовой словарная статья исчерпывается краткими толкованиями: *цензура* – «I.1. Система государственного надзора за печатью и средствами массовой информации. 2. Лица, осуществляющие такой надзор. II. 1. Исполнение обязанностей цензора [цензор III] в Древнем

Риме. 2. Лица, исполняющие такие обязанности» [20].

Существенно не меняется лексикографическая интерпретация слова и в Большом толковом словаре русского языка С. А. Кузнецова: *цензура* – «1) Система государственного надзора за произведениями искусства, средствами массовой информации или личной корреспонденцией; учреждение, осуществляющее такой надзор. *Военная цензура. Цензура запретила выход сборника. Строгая цензура. Подвергнуть цензуре. Снятие цензуры.* <...>» [21]. Словосочетания-иллюстрации в словаре С. А. Кузнецова актуализируют запретительную, карательную функцию цензуры, делая явление вневременным и в силу этого практически не имеющим идеологической семантики. Можно ли сказать, что идеологический компонент снят? Тогда возникает другой вопрос: стало ли толкование слова более адекватным?

Современные словари Т. Ф. Ефремовой и С. А. Кузнецова, по сути, проблему снятия/переориентации идеологических смыслов не решали: эти словари в толковании лексического значения как гетерогенной структуры сделали шаг назад, по сравнению с классическими лексикографическими источниками, отказавшись практически от основных инструментов, используемых в семантизации слова – иллюстративного материала и системы помет.

Контекстный материал из национального корпуса русского языка (далее – НКРЯ) подтверждает наличие идеологического значения лексемы *цензура* в разных формах ее существования (литература, кино, театр, СМИ, нравственное воспитание и просвещение и пр.): политическая цензура (*пятая колонна и национал-предатели* – негласный запрет концертов А. Макаревича); идеологическая цен-

зура (например, оскорбление чувств верующих); ведомственная и военная цензура (неразглашение имен погибших десантников Министерством обороны) и др. [22].

По данным НКРЯ, слово и стоящее за ним понятие как будто живут в разных параллельных мирах; все время обсуждается вопрос: нужна/не нужна цензура, есть ли она или её нет. Недолгое время, связанное с ослаблением цензуры, повлекло такие настроения граждан: по данным исследовательского холдинга «РОМИР Мониторинг», более двух третей россиян (71 %) и свыше 40 % журналистского сообщества одобрили бы введение цензуры.

В этот контекст не только вписываются размышления о злоупотреблении свободой слова (а) и декларации о том, что цензуры в стране нет, как и написано в Конституции (б), но и утверждения, что цензура ужесточается с каждым годом (в). Приведем примеры:

а) *Как уже было сказано, свобода слова и отмена цензуры – огромное завоевание, но его нужно охранять от тех, кто злоупотребляет этой свободой* (В. И. Гинзбург. Астрология и лженаука // Наука и жизнь. 2008);

б) *На вопрос Саркози о цензуре, российский президент ответил, что цензуры у нас нет* (А.

Желнов., В. Родионов. О конфликте с министром // Русский репортер. 2008. № 3 (33));

в) *Нормальному человеку давно ясно: в России с 1993 года активно действует очень свирепая цензура, жёстко фильтрующая (зажимающая и глушащая) все критические и просто объективные материалы оппозиции* (В. Плотников. СМИ без цензуры – диктатура халтуры // Сов. Россия. 2003. 19.08.).

Очевидно, что современное идеологическое содержание лексемы включает порой противоречащие оценочные компоненты, отражающие реальную жизнь слова.

Подведем итоги. В результате семантико-прагматического и лексикографического анализа выявлен особый способ семантизации идеологического содержания, суть которого состоит в том, чтобы имплицитно представить идеологическое содержание через хронологически маркированный иллюстративный материал (или вовсе пренебречь прагматическим содержанием слова, устранив из словарной статьи цитатный материал). А лексема *цензура* и стоящая за ней идеологема по-прежнему ждут своего лексикографа, но адекватная семантизация этой лексемы случится, видимо, не скоро.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Апресян Ю. Д.** Прагматическая информация для толкового словаря // Прагматика и проблемы интенциональности. – М.: ИЯ АН СССР, 1987. – С. 3–22.
2. **Скляревская Г. Н.** К вопросу о прагматической информации в толковом словаре: возможны ли прагматические пометы? // Лингвистическая прагматика в словаре. – СПб.: Институт лингвистических исследований РАН, 1997. – С. 6–13.
3. **Телия В. Н.** Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. – М.: Наука, 1986. – 141 с.
4. **Кобозева И. М.** Лингвистическая семантика. – М.: Эдиториал УРСС, 2000. – 450 с.
5. **Телия В. Н.** Коннотация // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. – М.: Большая российская энциклопедия, 2002. – С. 236.
6. **Толковый** словарь русского языка / под ред. проф. Д. Н. Ушакова: в 4 т. – М.: Советская энциклопедия, 1935–1940.
7. **Азнаурова Э. С.** Прагматика художественного слова. – Ташкент: Фан, 1988. – 121 с.

8. **Langakker R.** An Interview with Ronald Langacker, by Jozsef Andor. In Acta Linguistica Hungarica // Cognitive Grammar: The State of the Art and Related Issues. – 2005. – Vol. 52 (4). – Pp. 341–366.
9. **Архангельский А.** Кому мать война [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.echo.msk.ru/blog/echomsk/1380510-echo/> (дата обращения: 10.10.2014).
10. **Словарь** современного русского литературного языка: в 17 тт. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1948–1965. (БАС).
11. **Словарь** русского языка: в 4 тт. / под ред. А. П. Евгеньевой. – М.: Рус. яз., 1981–1984. (МАС).
12. **Даль В. И.** Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 тт. – Репр. воспр. изд. 1903–1909. – М.: Терра; Кн. Клуб, 1998.
13. **Словарь** иностранных слов, вошедших в состав русского языка Ф. Павленкова 1907 г. [Электронный ресурс]. – New-York: Изд. Книжного магазина М. Майзеля, 1921 – 359 с. – URL: <http://www.knigafund.ru/books/27199/read#page1>. (дата обращения: 10.10.2014).
14. **Набоков В. В.** Лекции по русской литературе. – СПб.: Азбука – Классика, 2010. – 446 с.
15. **Советская** историческая энциклопедия. – М.: Советская энциклопедия, 1982.
16. **Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.** Толковый словарь русского языка. – 2-е изд. – М.: АЗЪ, 1994. (ТСОШ).
17. **Ожегов С. И.** Словарь русского языка / гл. ред. С. П. Обнорский. – М.: Гос. изд. иностр. и нац. словарей, 1949. (СО).
18. **Ожегов С. И.** Словарь русского языка. – 6-е изд. – М.: Сов. энциклопедия, 1964. (СО 1964).
19. **Гуськова А. П., Сотин Б. В.** Популярный словарь русского языка. Толково-энциклопедический [Электронный ресурс]. – Русский язык-Медиа, 2003. – URL: http://www.catalogy.ru/books/1560938_populyarnyy-slovar-russkogo-yazyka-tolkovo-entsiklopedicheskiy.htm. (дата обращения: 10.10.2014).
20. **Ефремова Т. Ф.** Большой современный толковый словарь русского языка [Электронный ресурс]. – 2006. – URL: [http://www.lingvoonline.ru/ru/LingvoDictionaries/Details?dictionary=Explanatory+\(Ru-Ru\)](http://www.lingvoonline.ru/ru/LingvoDictionaries/Details?dictionary=Explanatory+(Ru-Ru)) (дата обращения: 10.10.2014).
21. **Большой** толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб.: Норит, 1998. – 1536 с.
22. **Национальный** корпус русского языка [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 10.10.2014 г.).

DOI: [10.15293/2226-3365.1502.02](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1502.02)

Tripolskaya Tatiana Aleksandrovna, Doctor of Philology Sciences,
Professor of Modern Russian Language Department, Novosibirsk
State Pedagogical University, Novosibirsk, Russian Federation.
E-mail: tr_tatiana@mail.ru

Bulygina Elena Yurievna, Candidate of Pedagogical Sciences, Profes-
sor of Modern Russian Language Department, Novosibirsk State
Pedagogical University, Novosibirsk, Russian Federation.
E-mail: bulyginalena2010@mail.ru

IDEOLOGICAL SEMANTICS AS THE OBJECT OF LEXICOGRAPHICALLY DIFFERENT-TEMPORAL DICTIONARIES

Abstract

Dictionary reflects not only their time, but also forms, sometimes rigidly imposing, a system of “ideological phantoms”. Deideologization dictionaries proved difficult and controversial process that began in the late 1980s.

The article examines issues of ideological interpretation lexicographical minor component included in the area of pragmatic semantics of the word.

In valuable field of society has “eternal” concepts, which are reflected in the vocabulary of native speakers as ideological (according to associative and discursive research). Such content is usually explicated in the dictionary entry, it is meant to reflect and shape the ideological view of the world society, that is exert ideological pressure on the recipient's dictionary. However, there are cases where the pragmatic content of the word it was deliberately hidden to such phenomena is lexicographic token censorship, indicating that “what we have in the recent past there has been no”. Different types of content require a pragmatic and different lexicographical “packaging” that something should be spelled out, something hidden. As a result of definitional and discourse analysis identified ways of veiling the obvious ideological content related to “oversee the implementation of dissent”: a system commenting litter (outdated, overseas, historical, political) and specially selected chronologically labeled illustrations.

Keywords

lexicography, semantics, pragmatic meaning, dictionary

REFERENCES

1. Apresyan Yu. D. Pragmatic information for explanatory dictionary. *Pragmatics and problems intentionality*. Moscow, USSR Academy of Sciences Publ., 1987, pp. 3–22. (In Russian)
2. Sklyarevskaya G. N. On the question of pragmatic information in the Dictionary: are pragmatic liters? *Linguistic pragmatics in the dictionary*. St. Petersburg, Institute of Linguistic Studies Russian Academy of Sciences Publ., 1997, pp. 6–13. (In Russian)
3. Telia V. N. *Connotative aspect of semantics of nominative units*. Moscow, Nauka Publ., 1986, 141 p. (In Russian)
4. Kobozeva I. M. *Linguistic semantics*. Moscow, Editorial URSS Publ., 2000, 450 p. (In Russian)
5. Telia V. N. Connotation. *Linguistic encyclopedic dictionary*. (Ed.) V. N. Yartseva. Moscow, Great Russian Encyclopedia Publ., 2002, 236 p. (In Russian)

6. *Dictionary of Russian*. (Ed.) D. N. Ushakov, 4 vol., Moscow, Soviet Encyclopedia Publ., 1935–1940. (In Russian)
7. Aznaurova E. S. *Pragmatics of art word*. Tashkent, Fan Publ., 1988, 121 p. (In Russian)
8. Langacker R. An Interview with Ronald Langacker, by Jozsef Andor. In *Acta Linguistica Hungarica. Cognitive Grammar: The State of the Art and Related Issues*. 2005, Vol. 52 (4), pp. 341–366.
9. Archangelskiy A. *This mother war*. Available at: <http://www.echo.msk.ru/blog/echomsk/1380510-echo/> (accessed: 10.10.2014). (In Russian)
10. *Dictionary of modern Russian literary language*. Vol. 17. Moscow, Leningrad, USSR Academy of Sciences Publ., 1948–1965. (In Russian)
11. *Dictionary of Russian language*. Vol. 4 (Ed.) A. P. Evgenyeva. Moscow, Russian Language Publ., 1981–1984. (In Russian)
12. Dal V. I. *Explanatory Dictionary of Russian Language*. 4 vol. 1903–1909. Moscow, Terra Publ., Book Club Publ., 1998. (In Russian)
13. *Dictionary of Foreign Words that are included in the Russian language F. Pavlenkova 1907*. New-York, Acad. Bookstore. M. Meisel Publ., 1921, 359 p. Available at: <http://www.knigafund.ru/books/27199/read#page1> (accessed: 10.10.2014) (In Russian)
14. Nabokov V. *Lectures on Russian literature*. St. Petersburg, Abc – Classic Publ., 2010, 446 p. (In Russian)
15. *Soviet Encyclopedia of History*. Moscow, Soviet Encyclopedia Publ., 1982. (In Russian)
16. Ozhegov S. I., Shvedova N. Y. *Dictionary of Russian language*. Moscow, Az Publ., 1994. (In Russian)
17. Ozhegov S. I. *Russian dictionary*. (Ed.) S.P. Obnorsky. Moscow, State. ed. foreign. and nat. dictionaries Publ., 1949. (In Russian)
18. Ozhegov S. I. *Russian dictionary*. Moscow, Sov. encyclopedia Publ., 1964. (In Russian)
19. Gus'kova A. P., Sotin B. V. *Popular Dictionary of the Russian language. Glossary and encyclopedic*. Russian language Media Publ., 2003. Available at: http://www.cataloxy.ru/books/1560938_populyarnyy-slovar-russkogo-yazyka-tolkovo-entsiklopedicheskiy.htm (accessed: 10.10.2014) (In Russian)
20. Efremova T. F. *Large modern Dictionary of Russian language*. Available at: [http://www.lingvoonline.ru/ru/LingvoDictionaries/Details?dictionary=Explanatory+\(Ru-Ru\)](http://www.lingvoonline.ru/ru/LingvoDictionaries/Details?dictionary=Explanatory+(Ru-Ru)) (accessed: 10.10.2014). (In Russian).
21. *Great Dictionary of the Russian Language*. (ed.) S. A. Kuznetsov. St. Petersburg, Norit Publ., 1998, 1536 p. (In Russian).
22. *Russian National Corpus*. Available at: <http://www.ruscorpora.ru> (accessed: 10.10.2014). (In Russian).